

В самом центре процветающего Пинцзяна, в номере элитного бизнес-отеля, Цинь Сюй сидел в расслабленной позе, не отрывая пылающего взгляда от человека, мирно спящего на экране.

Гу Цинчжи всегда отличался редкой красотой. Сейчас его черные волосы разметались по мягкой подушке, а сам он, с опущенными ресницами, уютно свернулся под одеялом. Его надменное, холодное лицо, лишенное привычной резкости, казалось почти невинным, подернутым нездоровым румянцем, словно перед ним был послушный и кроткий юноша.

Однако никто и представить не мог, насколько жестоким может быть этот безобидный на вид парень. Сначала Цинь Сюй думал, что встретил лишь человека, похожего на его наставника, но, судя по реакции того дня, его дорогой наставник должен был оказаться таким же, как и он сам.

На лице Цинь Сюя, обычно лишенном всяких эмоций, заиграла насмешливая улыбка, от которой у стоявшего рядом секретаря Суна по спине пробежал холодок.

— Сун Цзинь, если я правильно помню, Цинлан сейчас участвует в этом шоу, верно?

— Да. Чтобы способствовать развитию компании Иньсюй, директор Линь решил отправить молодого господина Линя вместе с новичком, а затем ввести их в состав руководства.

— Похоже, дядя Линь возлагает большие надежды на Цинлана. Мне это довольно интересно. Боюсь, в последнее время я не смогу покинуть Пинцзян, так что с отчетностью по проектам в Цзиньду придется повременить.

Сун Цзинь мгновенно уловил намек:

— Директор Линь всегда питал слабость к художественному проектированию и сейчас как раз подумывает о смене вектора развития. Уверен, он будет очень рад, если вы предоставите ему такой шанс.

Цинь Сюй едва заметно улыбнулся:

— Пришли мне мое текущее расписание. Возможно, в нем будут кое-какие изменения.

— Господин Цинь, а как же благотворительный вечер послезавтра?

Цинь Сюй, наблюдая, как Юй Бай испуганно прикладывает руку ко лбу Гу Цинчжи, ответил с помрачневшим взглядом:

— Провести, как и планировалось.

Вчерашний ночной ветер был прохладным, и усталость от работы над письмами до глубокой ночи в конечном итоге обернулась тяжелой простудой. Юй Бай, коснувшись горячего лба, не мог скрыть своего беспокойства.

Стоило ему лишь подумать о том, чтобы разбудить парня, как тот крепко вцепился в край его одежды. Тонкие пальцы побелели от напряжения, словно Гу Цинчжи хватался за последнюю соломинку, вкладывая в это движение все остатки сил. Редкая слабость Гу Цинчжи застала Юй Бая врасплох, и ему оставалось лишь успокаивающе похлопать того по руке, призывая расслабиться.

Гу Цинчжи, едва сжимая пальцами ткань, пробормотал пересохшими губами, голос его едва доносился:

— Старшая сестра... Старшая сестра, я скучаю по тебе.

Юй Бай наклонился ближе, но так и не смог разобрать невнятное бормотание, поэтому решил просто разбудить его. Гу Цинчжи в смятении открыл глаза и увидел перед собой Юй Бая.

— Сяо Бай, я...

— Ты заболел. У тебя дома есть аптечка?

Гу Цинчжи коснулся собственного лба и улыбнулся:

— Еще не настолько плохо, чтобы не встать. Я сам схожу за ней.

Юй Бай поправил одеяло, надавил ему на плечо и нахмурился:

— Где аптечка?

Гу Цинчжи, признавая поражение, поджал губы:

— В шкафу в гостиной.

Юй Бай удовлетворенно кивнул:

— Полежи пока, я скоро вернусь.

Сказав это, Юй Бай поспешно вышел из спальни, а вскоре вернулся, словно совершая внезапный набег, с чашкой теплой воды. Гу Цинчжи послушно выпил ее, чтобы смягчить горло, и к нему немного вернулись силы. Юй Бай приготовил легкоусвояемую кашу, нашел лекарства и заставил Гу Цинчжи принять их, прежде чем тот снова уснул.

Небо постепенно темнело, сотрудники съемочной группы, закончив настройку оборудования, покинули квартиру. Среди ночи Гу Цинчжи, с трудом соображая, прислонился к изголовью кровати и потянулся к стоящей рядом чашке с уже остывшей водой.

Прохладная влага, коснувшись горла, на мгновение прояснила его затуманенный разум. Однако, придя в себя, Гу Цинчжи вновь погрузился в бесконечные воспоминания, и чувства, словно лавина, нахлынули на него.

Когда он впервые попал в этот чужой мир, оказавшись в теле шестилетнего ребенка, он с полным замешательством принимал чужие воспоминания, боясь оступиться и быть принятым за лесного духа. Вскоре раздались торопливые шаги, и, прежде чем он успел что-либо понять, его маленькое тельце оказалось в теплых объятиях. Его старшая сестра, которая в воспоминаниях оригинала всегда была сдержанной и благовоспитанной, впервые нарушила правила, прижимая младшего брата к себе и горько плача.

Прозрачные слезы падали на его лицо — прохладные, но согревающие сердце, постепенно возвращая ему покой. В семье Гу все было просто: раньше супруги жили душа в душу, но мать, подорвав здоровье при рождении сына, скончалась через два года. Из-за гнева отца, хотя оригинал и был законным наследником, его ценили гораздо меньше, чем старшую сестру. Длительный дисбаланс привел к тому, что оригинал больше тянулся к отцовскому вниманию, а к сестре испытывал лишь зависть и ревность, не в силах сблизиться с ней.

Кто бы мог подумать, что после смерти оригинала больше всего будет убиваться именно та, кому он завидовал.

Гу Цинчжи посмотрел на темные круги под глазами девятилетней девочки, протянул руку, чтобы стереть слезы с ее глаз, и слабым голосом прошептал:

— Не плачь.

Девочка на мгновение замерла, а затем обняла его еще крепче, но слезы так и не перестали течь. С тех пор старшая сестра приходила к нему каждый день. Она без устали приносила ему питательные отвары, неуклюже пытаясь задобрить его цукатами, чтобы он выпил горькое лекарство. Даже когда ему снились кошмары, она, пренебрегая приличиями, спала в соседней комнате, чтобы в любой момент успокоить его.

Гу Цинчжи никогда не знал такой заботы, и в его сердце постепенно росла привязанность к сестре. Вскоре он окреп, и его душевное состояние стабилизировалось. Благодаря стараниям сестры, отец, терзаемый чувством вины, начал уделять ему внимание. Гу Цинчжи принимал это с благодарностью, но понимал, что любовь отца к нему похожа на воду, выплескивающуюся

из кипящего котла — она есть, но ее совсем мало.

Раньше эта крохотная доля любви была для оригинала и ядом, и спасением, заставляя его сгорать изнутри до самой смерти. Однако он не был оригиналом и не питал иллюзий по отношению к отцу. Он никогда не разочаровывался, потому что в его сердце единственным человеком, дарующим чувство дома, оставалась лишь сестра.

Но на восьмой год после переселения сестру выдали замуж. Он лично провожал ее до паланкина, вокруг все пестрело красным, выглядело празднично, но впереди ее ждали тяжелые оковы. Он лишь мечтал, чтобы ее жизнь была тихой и долгой, но вышло иначе.

На следующий год, когда второй и четвертый принцы начали борьбу за престол, отец допустил неосторожное слово и разгневал императора. Дом Гу был конфискован, а он сам вместе с отцом отправился в ссылку на север. Тогда он лишь радовался, что сестра уже замужем и ей не придется познать холод и жестокость мира.

Но она пришла. Принесла немного серебра и лекарства. Путь в ссылку был долгим, и как бы он ни был изворотлив, тех запасов надолго не хватало. К тому же, привыкший к роскоши чиновник не выдержал таких испытаний и через десять дней слег. Отец не хотел быть обузой и, отослав сына, попытался повеситься, но юноша вовремя почувствовал неладное и спас его.

Гу Цинчжи до сих пор не решался вспоминать тот позор и страдания; прежняя гордость и чистота остались в прошлой жизни. Движимый лишь ненавистью к императорскому дому, он, стиснув зубы, донес отца до самого севера. И все же отец не пережил ту зиму. Только он сам, благодаря помощи сестры, сумел выжить.

<http://bllate.org/book/20758/2081900>